

Проблемы и вопросы теории и истории государства и права

УДК 34.01+340.132

РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ НА СООТНОШЕНИЕ ПРАВА И ПРОЦЕССА В ЮРИСПРУДЕНЦИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЕДИНСТВА И РАЗЛИЧИЙ МАТЕРИАЛЬНЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ ПРАВА

Н. А. Бабенко,

аспирант кафедры теории государства и права, Сибирский федеральный университет

Статья посвящена рассмотрению истории развития процессуального права с точки зрения соотношения и взаимодействия норм материального и процессуального права. Отрасли и институты современной правовой системы неоднородны и представляют собой сложный конгломерат взаимодействующих и дополняющих друг друга первичных элементов правовой материи – материальных и процессуальных норм.

Ключевые слова: *история процессуального права, нормы процесса, материальное право, правовая система.*

При анализе научных представлений о развитии процессуального права и соотношении его с правом материальным будем уделять внимание прежде всего нормативному аспекту. Развитие научных взглядов на соотношение процесса и права фактически отражает становление теории юридического процесса. Одним из основателей науки процессуального права в России стал иркутский правовед В. А. Рязановский. В своей книге «Единство процесса» он отмечал, что «начиная с римского права и вплоть до начала XIX века процесс – гражданский, уголовный и канонический – рассматривался как дополнение к соответствующему материальному праву, как производное последнего»¹. Первые три четверти XIX столетия в науке господствовала так называемая материально-правовая теория права на иск, которая следующим образом определяет взаимодействие между материальным гражданским правом и процессом: иск присущ материальному праву, защите которого служит, он его принадлежность (Пухта, Вехтер, Дернбург); иск есть само материальное право в своем осуществлении (Бекинг, Гарсонс); право на иск – особая форма, особое проявление того материального права, которое предполагается нарушенным (Мальшев)².

Уголовное право вообще было принято называть материальным, а уголовный процесс формальным уголовным правом, а связь меж-

ду названными отраслями предполагалась такой же, что существует между материей и формой одного и того же организма. В этот период времени законодатели включали процессуальные нормы в материальные кодексы в виде особых частей или глав. Окончательное разделение материальных и процессуальных законов в России было проведено лишь судебными уставами 20 ноября 1864 г. Поэтому лишь в конце XIX – начале XX вв. гражданский и уголовный процессы стали рассматриваться как самостоятельные от материального права и друг от друга научные дисциплины. В частности, указывалось, что гражданский процесс есть институт публичного права, а гражданское право есть право частное. Гражданский процесс имеет самостоятельный объект и самостоятельные задачи, которые заключаются в организации установления и охраны субъективных гражданских прав. Тогда начал определяться предмет процессуального права как деятельность государства по разрешению споров о праве, по установлению и охране действительного права. Таким образом, основной идеей книги В. А. Рязановского стало единство трех процессов – уголовного, гражданского, административного, что обосновывается не только формальной их схожестью, но и необходимостью максимально полной защиты прав личности в любом процессе, в том числе и от по-

сугательств государства. Фактически это концепция судебного права на основе теории правового государства. Каждую процессуальную норму В. А. Рязановский определяет следующим образом: «Это положение более соответствует идее правового государства, чем обратное...»³.

Профессор И. В. Михайловский, рассмотрев черты сходства и различия уголовного и гражданского процессов и найдя общность в предмете и в основных вопросах у обеих наук, пришел к выводу, что оба процесса должны слиться в одну науку – судебное право⁴. В дальнейшем интерес к судебному праву уже в Советской России был возрожден лишь в 60–70 гг. XX века.

Вместе с тем уже в 1927 году увидела свет работа Н. Н. Полянского «Очерки общей теории уголовного процесса», в которой автор обосновывал концепцию уголовного иска, которая в свою очередь легла в основу теории судебного права и получила свое логическое завершение много позже в фундаментальном труде «Проблемы судебного права»⁵.

Серьезные исследования процессуальных норм в их сочетании с материально-правовыми образованиями появляются к началу 50-х гг. прошлого столетия. Советские ученые А. Ф. Клейнман, Г. И. Петров, С. С. Студеникин на основе анализа разновидностей правовых норм обнаружили, что по регулятивной направленности своих предписаний они неоднородны и подразделяются на две большие группы – материальные и процессуально-процедурные. Методологической основой для такого вывода стало положение К. Маркса о том, что материальное право «имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона, следовательно, проявление его внутренней жизни»⁶.

Данное положение К. Маркса было распространено на всю систему советского права с учетом общности правовых норм, присущей нормам любых отраслей и институтов. Здесь говорится не только о неразрывной связи процесса с материальным правом и о формальном выражении закона, но и о том, что он выступает проявлением внутренней жизни закона, внешним процедурным порядком, в котором должна протекать реальная деятельность государственных органов по реализа-

ции предписаний норм материальных отраслей права.

Следует заметить, что продолжили переосмысление назначения процессуальных норм в системе советского права представители иных отраслевых, в частности государственно-правовых и административно-правовых, наук. Ими была выдвинута концепция общего юридического процесса, которая заключается в том, что реализация предписаний материально-правовых норм любых отраслей осуществляется на основе многочисленных процессуальных норм и институтов, которые содержатся не только в специальных процессуальных отраслях, но и «рассеяны» по всей системе советского права. Д. И. Бахрах, И. А. Галаган, Е. В. Додин, А. И. Ким, Ю. М. Козлов, А. Е. Лунев, В. С. Основин, И. Н. Пахомов, В. Д. Сорокин, Н. Г. Салищева, О. М. Якуба и многие другие представители государственной и административной науки доказывали, что нельзя ограничивать существование юридического процесса рамками уголовно- и гражданско-процессуальных отраслей. В тот же период на основании указанных теоретических положений высказывалась идея создания административно-процессуального кодекса, которая, к сожалению, не реализована до настоящего времени. Именно представители административной науки постоянно обнаруживали за пределами традиционных процессуальных отраслей значительную область отношений, урегулированных «процедурными», или «организационными», нормами, которые никак не относятся к праву материальному. Н. Г. Салищева включала сюда процедуру начисления пенсий, выдачу пособий, прохождения государственной службы, присуждение наград и т.д. и называла такое регулирование «производствами»⁷. В. Д. Сорокин указывал, что административный процесс – это вся область применения государственным аппаратом норм материального права, весь порядок деятельности административных органов, поэтому деление права на материальное и процессуальное не есть разделение правоприменения на то, что происходит в суде, и то, что происходит вне суда⁸.

Такое «широкое» понимание процессуального права в тот период времени было поддержано теоретиками права. В частности, П. Е. Недбайло считал, что «процессуальная форма присуща любой деятельности по применению правовых норм»⁹. Аналогичной по-

зиции придерживался и Л. С. Явич, который писал о том, «что процессуальные нормы регулируют также процесс применения гипотез и диспозиций», а не только санкций материальных норм, а также о том, что в системе советского права существует единая процессуальная отрасль, призванная «разрешать единую задачу регулирования отношений по применению юридических норм»¹⁰.

Общетеоретическое обобщение и дальнейшее развитие изучения процессуальных форм и их назначения наблюдались в работах В. М. Горшенева, который выдвинул смелую для своего времени идею о наличии советского процессуального права, нормы которого регламентируют все стороны деятельности не только в юрисдикционной области, но и при рассмотрении и разрешении государственными органами многообразных индивидуальных дел. Процесс имеет место всегда, когда осуществляется правоприменительная деятельность по реализации материально-правовых предписаний любых отраслей права, а наличие процесса необходимо связывать именно с наличием правоприменительной деятельности¹¹.

Значимы суждения В. М. Горшенева о нормативном аспекте юридического процесса, которые заключаются в том, что последний всегда и непосредственно связан с совершением операций с нормами права на основе стадий правоприменительной деятельности, а также с необходимостью использования различных методов и средств юридической техники в целях установления истины по делу и в интересах его справедливого решения¹².

Свойства юридического процесса обнаруживаются не только в юрисдикционных, но и в иных формах деятельности государства и его должностных лиц, что дает основание для формирования унифицированного понятия юридического процесса. Нормы данной отрасли права «выступают своеобразной надстройкой над нормами материального права и поэтому направлены на регулирование общественных отношений, складывающихся в процессе применения норм материального права при наличии обстоятельств, требующих этого применения. Они имеют общую цель – способствовать достижению результата, преследуемого нормой материального права. В предмете правового регулирования следует различать два комплекса отношений: «организуемые» и «организационные». Первые составляют предмет регулирования норм мате-

риального права, а вторые – норм процессуального права¹³. В коллективной монографии «Юридическая процессуальная форма: теория и практика» теоретиками права обосновывается максимально широкий подход к определению предмета процессуального права, под которым понимаются «организационные отношения», которые складываются в процессе правотворчества и правоприменения¹⁴. Авторы работы приходят к выводу о том, что понятия «процедура» и «процесс» совпадают, а «процессуальная форма присуща всякой деятельности по применению правовых норм», поэтому «любая отрасль материального права вызывает к жизни соответствующие процессуальные нормы»¹⁵. Актуальным и по сей день представляется мысль В. М. Горшенева о том, что «процедурно-процессуальные формы и нормы, их регламентирующие, в области положительной деятельности органов государства имеют не менее важное, а пожалуй, более существенное значение, чем в области юрисдикционной»¹⁶. Ю. И. Мельников также считал, что нельзя юрисдикционной деятельностью ограничивать процессуальное право и процесс, так как это «не соответствует действительному положению вещей, ибо советскому праву известны многие группы процессуальных норм, которые не связаны с принудительной реализацией соответствующих норм материального права ... например, нормы, регулирующие деятельность государственных органов (нотариата, загса, социального обеспечения ...), связанную с положительным удовлетворением различных потребностей»¹⁷. Об этом применительно к нормам государственного права писал и В. О. Лучин: «Наличие юридического процесса в неюрисдикционной сфере можно признать лишь при условии, ... что нет серьезных причин, препятствующих ... выделению особого порядка применения норм советского государственного права в качестве самостоятельной процедуры»¹⁸.

Серьезным недостатком теоретических исследований процессуального права тех лет была недооценка важности самостоятельного изучения, в том числе в аксиологическом плане, норм процессуального права и их взаимосвязи с нормами материальными. Основатели теории юридического процесса настаивали на производном характере процессуальных норм, в отличие от норм материальных. Они полагали, что решить вопросы теории процесса возможно «с позиции абсолютного признания производности процессуаль-

ного права от материального через такое промежуточное звено, как правоприменительный процесс»¹⁹. При этом процессуальной норме был придан характер исключительно юридической гарантии нормы материальной.

Постепенно теория процессуального права овладевает умами большого количества правоведов. Характерно в данном отношении изменение взглядов на указанную проблему С. С. Алексеева, который в работе «Социальная ценность права в советском обществе» написал: «Если мы просто расширим понятие процессуальной формы и охватим им все виды юридических процедур, ... это приведет к его обеднению, к выветриванию из него богатого содержания, которое вложили в рассматриваемое понятие законодательство, юридическая практика, правовая традиция»²⁰, а несколько позднее он уже допускает в системе советского права наличие такой интегрированной структуры, как процессуальное право, которое охватывает процессуальные отрасли права, а также процессуально-процедурные институты, сложившиеся в ряде отраслей материального права²¹. Однако назначение этого права С. С. Алексеев по-прежнему видит в регламентации государственно-принудительной деятельности компетентных органов.

Вместе с тем следует привести мнения авторов, решительно возражающих против расширительного толкования процесса и роли процессуальных норм права. Н. А. Чечина считает, что такой подход «может послужить не на пользу и не для укрепления законности, а во вред, так как фактически приведет к растворению процессуальных норм в правилах процедуры, а соответственно понизит требования и к их содержанию, и к их соблюдению, т.е. не будет способствовать укреплению законности»²².

М. С. Строгович также выступал против расширительного понимания процесса, так как это может привести к тому, что он «неизбежно утратит определенность, приобретет расплывчатость и превратится в нечто формальное, бессодержательное. Процессуальное право, юридический процесс – это судебное-процессуальное право, судопроизводство»²³. К процессуальному праву М. С. Строгович относил также судопроизводство по административным делам в той мере, в какой административные дела отнесены к компетенции судов, а не решаются самими административными органами. Вместе с тем возможность создания административно-процессуального

права им допускалась лишь в далекой перспективе, когда «для рассмотрения судом административных дел в законодательстве будет установлен порядок судопроизводства, для реализации которого потребуются развернутая система норм, не укладывающаяся в рамки гражданского процессуального права»²⁴. Таким образом, противники широкого толкования юридического процесса связывали его лишь с юрисдикционной деятельностью суда.

В ответ на критику И. А. Галаган пишет: лишены всяких оснований опасения некоторых авторов о том, что реализация идеи общего юридического процесса приведет к удорожанию правоприменительной деятельности, формализации и бюрократизации. Речь не идет о нормативной регламентации деятельности уполномоченных органов и должностных лиц, не связанной с правовыми операциями по разрешению индивидуальных дел и иных правовых ситуаций, «дальнейшее совершенствование существующих и издание новых (процессуальных. – Н. Б.) норм, усиление их научной обоснованности неизмеримо повысят эффективность основного звена советской правовой системы – материально-правовых норм, всей правоприменительной деятельности, всего механизма правового регулирования ... из-за отсутствия процедурно-процессуальной регламентации материально-правовые нормы, несмотря на их важность и высокую политическую значимость, зачастую остаются вне действия. Процессуальные нормы в данном случае являются единственным средством, обеспечивающим правовые формы их реализации, проведение их в жизнь»²⁵.

И. А. Галаган попытался увязать проблему процессуального права с деятельностным аспектом правового регулирования, указывая, что «деятельность в сфере регулятивных или охранительных правоотношений – это сложное материально-процессуальное образование, базирующееся на взаимодействии материальных и процессуальных норм и соответствующих им правоотношений»²⁶.

Критики концепции широкого понимания процесса указывают на отсутствие четкого единого критерия разграничения материальных и процессуальных явлений в праве, а также смешение понятий «процесс» и «процедура».

И. А. Галаган предлагает в качестве оснований отнесения правовых явлений к процессуальным следующие основные признаки:

опосредование применения, соблюдения, исполнения, использование права; регулирование сферы правотворчества²⁷.

Что же касается различия понятий «процесс» и «процедура», то это в большей степени теоретический спор, и сторонники широкого подхода смотрят на процессуальное право как на отрасль прежде всего юридической науки. Общность процесса, кроме всего прочего, проявляется в общих ценностных основаниях, которые формируют руководящие принципы процесса не только в юрисдикционных, но и в иных процессуально-процедурных формах.

В настоящее время – время активного реформирования процессуального законодательства – возникает насущная потребность в научном теоретическом знании об особенностях конструирования процессуальной нормы, о взаимосвязи и отношениях в системе права в разрезе материальных и процессуальных норм, о системообразующих факторах процессуального права. Следует согласиться с мнением В. Н. Протасова о том, что «общая теория права в ее нынешнем состоянии индифферентна к различиям материального и процессуального права при оценке правовых явлений, и в большей мере ее можно считать «теорией материального права»²⁸. В. Н. Протасов признает процессуальность в качестве общеправового свойства и утверждает, что «нормы процедуры имеются почти во всех отраслях права»²⁹. Исходным для определения процедурности в праве для него становится дихотомическое деление права на материальное и процессуальное. Однако, с его точки зрения, такое разграничение не производилось с общетеоретических позиций, а определялось наличием законодательно регламентированных процессуальных отраслей права. Кроме того, что В. Н. Протасов распространил понятие процессуального до равного ему уровня материального и, следовательно, пронизывающего всю правовую систему, он указал на сферы правотворчества и правореализации в целом как на сферы существования процессуального права. Таким образом, автор не исключает наличия процедурных отношений также и в сфере «частного» права.

Ю. А. Тихомиров, рассматривая процессуальное право как отрасль юридической науки, отмечал: «Процедурные механизмы характерны для нормативного регулирования вообще». Можно вести речь «о позитивных процессуальных институтах и нормах, пред-

назначенных для реализации компетенции субъектов публичного права и правоспособности субъектов частного права. Игнорирование и недооценка этого позитивного блока приводят к срывам в деятельности и последующим ошибкам и нарушениям законности»³⁰. Недооценка процессуальных норм в свою очередь, по мнению Ю. А. Тихомирова, приводит к их слабой развитости «внутри закона ... процессуальных актов и соответствующих отраслей законодательства. Между тем острая потребность в обеспечении действия закона, всех его норм и особенно в судебной защите прав и законных интересов граждан и организаций требует мощного развития юридического процесса и его видов, опосредующих их процессуальных норм. В повестке дня формирование процессуального права»³¹.

Таким образом, начало XXI века ознаменовалось возрождением интереса к процессуальному праву и дальнейшей теоретической разработкой его проблем. Д. Н. Бахрах полагает необходимым изучать процедурность в деятельности не только государственных органов, но и «невластных субъектов». В то же время, руководствуясь данным соображением, он достаточно определенно разделяет понятия «процедура» и «процесс». «Процедура – понятие более широкое, чем юридический процесс: процедура может быть и при ведении неюридических дел, носить разовый характер. Юридический процесс – это разновидность процедур, причем наиболее совершенная. Наличие отдельных процессуальных норм не превращает официальную процедуру в юридический процесс. Фактическое превращение количества в качество происходит тогда, когда происходит развернутая регламентация всех стадий деятельности системой процессуальных норм»³². О месте процессуальных норм в структуре уже российского права следующим образом высказывается В. Д. Сорокин: «Что же касается иных разновидностей процессуальных норм, (помимо норм гражданского, уголовного и административного процессов, которые функционируют в сфере государственной власти, в результате чего издаются акты правосудия или государственного управления. – Н. Б.), связанных с некоторыми материальными отраслями – трудовым, земельным, финансовым, то эти группы норм не могут «претендовать» на роль процессуальной отрасли права, поскольку «обслуживают» потребности своей материальной отрасли, находясь в ее составе»³³.

Подводя итог, мы приходим к выводу о том, что правовая система, ее отрасли и институты неоднородны, а представляют собой сложный конгломерат взаимодействующих и дополняющих друг друга первичных элементов правовой материи – материальных и процессуальных норм.

¹ Рязановский В. А. Единство процесса. М., 1996. С. 18.

² Там же. С. 14.

³ Там же. С. 41.

⁴ Михайловский И. В. Судебное право как самостоятельная наука. СПб., 1908. С. 1.

⁵ Подробнее см.: Первушина А. А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития. Самара, 2005. С. 11–12.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2 изд. Т. 1. С. 158.

⁷ Салищева Н. Г. К вопросу об административном процессе в СССР // Вопросы административного права на современном этапе. М., 1963. С. 135–140.

⁸ Сорокин В. Д. Проблемы административного процесса. М., 1968. С. 53–57.

⁹ Недбайло П. Е. О юридических гарантиях правового осуществления норм советского права // Советское государство и право. 1957. № 6. С. 22.

¹⁰ Явич Л. С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталинабад, 1957. С. 97.

¹¹ Горшенев В. М. Функции и содержание норм процессуального права по советскому законодательству // Проблемы правоведения. Новосибирск, 1967. С. 16–38.

¹² Горшенев В. М. Природа юридического процесса как комплексной системы // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1980. С. 3–11.

¹³ Горшенев В. М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. М., 1972. С. 219–221.

¹⁴ Юридическая процессуальная форма: теория и практика / под ред. П. Е. Недбайло, В. М. Горшенева. М., 1976. С. 28.

¹⁵ Там же. С. 14–21.

¹⁶ Горшенев В. М. О системе процессуального права в советском государстве: материалы конференции. Новосибирск, 1970. С. 12–13.

¹⁷ Мельников Ю. И. Природа и содержание норм процессуального права в социалистическом обществе: учебное пособие. Ярославль, 1976. С. 26.

¹⁸ Лучин В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976. С. 26.

¹⁹ Теория юридического процесса / под общ. ред. В. М. Горшенева. Харьков, 1985. С. 163–172.

²⁰ Алексеев С. С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 123.

²¹ Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975. С. 197–198.

²² Чечина Н. А. Основные направления развития гражданского процессуального права // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. Ярославль, 1978. С. 114.

²³ Строгович М. С. Судебное право: предмет, система наука // Советское государство и право. 1979. № 12. С. 62.

²⁴ Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М. Проблемы судебного права. М., 1983. С. 28.

²⁵ Процессуальные нормы и отношения в советском праве (в непроцессуальных отраслях) / под ред. И. А. Галагана. Воронеж, 1985. С. 12.

²⁶ Там же. С. 17.

²⁷ Там же. С. 148.

²⁸ Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 18.

²⁹ Там же. С. 38.

³⁰ Тихомиров Ю. А. Проблемы развития процессуального права // Судебная реформа в России: проблемы совершенствования процессуального законодательства: материалы научно-практической конференции. М., 2001. С. 9–12.

³¹ Там же. С. 8.

³² Бахрах Д. Н. Юридический процесс и административное производство // Журнал российского права. 2000. № 9. С. 8.

³³ Сорокин В. Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень) // Правоведение. 2000. № 4. С. 45.

Статья поступила в редакцию 25 марта 2013 г.